

Страстный собиратель слов

Дорогу осилит идущий.

Овидий.

1863 год. Заседание Петербургской Академии наук. С неслыханным заявлением, которое привело академиков в крайнее замешательство, выступает известный историк М. П. Погодин. «Словарь Даля закончен, — говорил Погодин. — Теперь русская академия наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю. Выбывший займёт первую, какая откроется, вакансию». Желавших уступить своё место не нашлось, жребий не бросали. Да к тому же академическое начальство вспомнило, что для избрания в действительные члены кандидат должен иметь «постоянное пребывание» в Петербурге, а Даль жил в Москве.

Академиком Даль так и не стал, но был единогласно избран Почётным членом Академии наук. Однако официальная наука не спешила высказаться, оценить, разобрать только что вышедший первый том «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Был завершён немислимый титанический труд, исполненный одним человеком, окончено дело всей жизни, а учёные молчали, коллеги по перу отделялись незначительными, зачастую бранными замечаниями. Первый биограф Даля П. И. Мельников-Печерский с горечью писал: «Ни один университет не почтил составителя «Толкового словаря» званием почётного члена или хотя бы простым приветом неутомимому труженику, окончившему столь великое дело!.. Я не знал человека скромнее и нечестолюбивее Даля, но и его удивило такое равнодушие».

Признание, широкая известность в России и за рубежом пришли через несколько лет. Появились серьёзные разборы «Словаря», отклики учёных, но и тогда мало кто знал подробности этой удивительной подвижнической жизни.

Моряк и замечательный хирург, писатель и этнограф, филолог по призванию, человек огромных разносторонних знаний (Даль был сведущ в разных науках — естественных, точных, гуманитарных («общественных»)); к тому же владел многими ремёслами — мог сколотить табурет и изготовить тончайшее украшение из стекла) и в то же время высокопоставленный чиновник, стремившийся всеми силами облегчить положение народа, крестьян, Владимир Иванович Даль сыграл значительную роль в развитии русской культуры XIX века.

В «Толковом словаре» нет распространённого ныне слова «полиглот». Даль предлагал взамен: «многоязычник». Сам он, кроме русского языка, знал - немецкий, французский, английский, знал украинский, белорусский, польский, читал и писал на латыни, изучал болгарский и сербский языки, владел татарским, башкирским и казахским языком.

Казалось, в детстве, отрочестве, юности ничто не предвещало его будущей судьбы, накрепко связанной с русским словом...

Владимир Иванович Даль родился **22 ноября 1801** года в городе Лугани Екатеринославской губернии (ныне город Луганск) в семье старшего лекаря Луганского литейного завода Ивана Матвеевича Даля. Родители В. И. Даля были эмигранты, отец — датчанин (от рождения носивший имя Иоганн Христиан), мать — немка по отцу и француженка по матери. Несмотря на такое происхождение, родители сумели создать настоящую русскую семью. Семья Даль жили просто, дружно, в скромном достатке (в семье было пятеро детей). За год до

рождения старшего сына Иоганн Даль принял русское подданство и детей своих записал Ивановичами. В семье принято было говорить по-русски, соблюдать национальные праздники. Отец всегда любил повторять: «Гордитесь, что вы русские!»

Иван Матвеевич работал истово, много, а приходя домой, запирался в кабинете: читал, писал, размышлял. Он был скуп на слова, стеснялся всякого проявления чувства, редко ласкал жену и детей, хотя любил их беззаветно. Острое, почти болезненное чувство справедливости и благородства, стремление заполнить жизнь разумным трудом, не теряя ни одной минуты зря, — это пришло к Владимиру от отца. Позже, Даль вспоминал, также о «нравственных правилах», которые «умел вкоренить» в него отец: «Видя человека такого ума, учёности и силы воли, как он, невольно навсегда подчиняешься его убеждениям».

Мать Владимира Даля, Мария, была хорошо образованна: свободно владела пятью языками, детей своих учила всему сама, вдобавок давала уроки и брала на дом воспитанниц. Про мать Даля известно, также, что была она музыкальна, обладала «голосом европейской певицы», играла на фортепьяно. Даль вырос в доме, где звучали музыка и пение, — это немало значит. «Мать разумным и мягким обращением своим, и более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало», — вспоминал Даль. Она всю жизнь оставалась его самым большим другом. А ещё мать приучала своих детей любить всякий труд. У неё самой были изумительно искусные руки, способные ко всякому ремеслу. Мать учила: «Надо зацеплять всякое знанье, какое встретится на пути; никак нельзя сказать вперёд, что в жизни пригодится». Способность «зацеплять» знания и ремёсла останется у Даля на всю жизнь. Его универсальность («Толковый словарь» переводит — «всеобщность») будет удивлять современников.

Маленький Володя уже тогда, интуитивно, воспринимал всё, то доброе, прекрасное, что шло от отца, матери, бабушки. Дети, хоть и малые, бывали свидетелями долгих разговоров взрослых о ... словах. Свободно владевший семью языками, Иван Матвеевич любил уточнить то или иное русское, немецкое, французское выражение, перевести его на другой язык, толковать о буквальном смысле словосочетаний. Любимая Володина бабка (по материнской линии) — Мария Фрейтаг («из семейства французских гугенотов»), писательница, прекрасная переводчица, свободно говорила и писала на французском, немецком, русском и английском языках. Володя, примостившись у бабкиных ног, внимательно вслушивался в споры о словах. Это не увлекало, а скорее удивляло мальчика. Как-то на вопрос бабки, хотел бы и он стать переводчиком, малыш простодушно ответил: «Нет. Не хочу всё время искать слова». Ему суждено будет пройти много дорог, прежде чем он сам станет страстным собирателем слов. Однако вкус к языку, глубокое уважение к смыслу, звучанию слова мальчик впитал с раннего детства.

Начальное образование дети Ивана Матвеевича Даль получили дома. Отец взял на себя уроки литературы и истории. Для преподавания математики и рисования пригласили учителей штурманского училища. Но в основном забота о детях лежала на плечах матери, которая учила детей и русскому, и иностранным языкам.

В четырнадцать лет В. Даль был зачислен в Петербургский Морской кадетский корпус. Владимир, привыкший дома к полной свободе, уважению его личного достоинства, так и не принял корпусного режима. Конечно, Володя постепенно притерпелся, нашёл друзей. Среди его однокашников оказались Павел Нахимов, впоследствии знаменитый флотоводец, и будущий декабрист Дмитрий Завалишин. Человек блистательных способностей и воинственной честности,

Дмитрий особенно привлекал Даля. Дружбу с ним он пронёс через всю жизнь.

Среди тяжких будней кадетов были и светлые дни — летние морские походы. Незабываемое впечатление на Владимира произвёл его второй выход — четырёхмесячная кампания с визитом в Данию и Швецию. Много лет спустя Даль вспоминал: «Ступив на берег Дании, я на первых порах окончательно убедился, что отечество моё — Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков... Дух, душа человека — вот где надо искать его принадлежность к тому или иному народу. Чем можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа, — мыслью... Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю, по-русски».

Недавно в рукописном отделе Ленинской библиотеки нашли тетрадь, сшитую из плотных голубых листов, которая исписана круглым, детским почерком. Заглавие её таково: «Дневной журнал гардемарина Владимира Даля, ведённый на бриге «Феникс». В дневнике подробно описаны все события похода, встречи, происшествия.

«Дневной журнал» — первое, дошедшее до нас литературное произведение Даля. В нём уже видны черты будущего стиля писателя: простота, лаконичность языка, почти полное отсутствие иностранных слов.

В 1819 году Владимир Даль закончил Морской кадетский корпус. Его произвели в мичманы и назначили служить в Николаеве, где жили его родные.

Сани мчались быстро, только ветер свистел. Ямщик нет — нет, да и оглядывался на молоденького офицера: уж больно легко одет.

— *Замолаживает*, — добродушно забасил ямщик.

— То есть как «*замолаживает*»? — удивился Даль.

— Пасмурнеет. Стало быть, к теплу, — пояснил мужик.

Мичман окоченевшими руками достал карандаш, карманную книжку и записал поразившее его выражение: «*Замолаживать*» — иначе «пасмурнеть» — в Новгородской губернии, значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью». Эта запись, как оказалось впоследствии, послужила началом будущего словаря.

Служба особенно не обременяла, но и не приносила удовлетворения. Всё свободное время Владимир отдавал литературным занятиям. Он ежедневно (до последних дней жизни) делал дневниковые записи, стал собирать украинские и русские песни, пробовал себя в драматическом жанре (две одноактные комедии: «Невеста в мешке, или Билет в Казань» и «Медведь в Маскараде»).

Но в конце 1825 года Даль, как когда-то и его отец, решительно изменил свою судьбу, и в январе 1826 года уже числился студентом-медиком Дерптского университета. Всё менял Даль: место жительства, образ жизни, распорядок дня, друзей, привычки. Жизнь надо было строить заново. Одно с ним осталось — слова. Дорожный баул со словами. Даль приехал в Дерпт искать свою судьбу и не знал, что привёз её с собою.

Дерптский период своей жизни В. Даль называл «временем восторга и золотым веком нашей жизни». Даль расцвёл в Дерпте. Его замечательные способности развернулись в полную силу. Он занимался самозабвенно и во всём успевал блестяще. Иногда его даже одолевали сомнения: что выбрать — физику или медицину? Дважды ему присуждалась серебряная медаль

«за написание решения задач по физике». Но медицина взяла верх. Даль стал учеником известного профессора хирургии И. Ф. Мойера. У профессора Даль и жил первое время. Здесь он быстро сошёлся с В. А. Жуковским, который обнаружил в этом красивом голубоглазом юноше литературный дар и возвышенную мечтательность. Здесь он подружился и с поэтом Н. М. Языковым, возглавлявшим в университете кружок русских студентов.

Занятия у Мойера дружески связали Даля с ещё одной замечательной личностью — будущим великим хирургом — Н. И. Пироговым. Вместе они проучились всего семь месяцев, но крепкая дружба связала их навсегда. Пирогов писал о друге: «Это был замечательный человек. За что ни брался Даль, всё ему удавалось усвоить. Находясь в Дерпте, он пристрастился к хирургии и, владея между многими способностями необыкновенною ловкостью в механических работах, скоро сделался и ловким оператором». Даль дорожил приятелью Пирогова и постоянно переписывался с ним.

Во время Русско-турецкой войны Даль досрочно защищает диссертацию на степень доктора медицины и отправляется на берег Дуная, где оперирует раненых, борется с холерой и чумой, приобретает славу искусного хирурга.

Участвуя в польской кампании 1831–1832 годов, Даль проявил себя не только как военный хирург, но и как ... инженер. Не имея рядом специалиста при переправе через Вислу, В. И. Даль сам навёл мост, защищал его при переправе и затем сам же разрушил его, что спасло от разгрома большой русский отряд. Вот где пригодилась ему «ловкость оператора», внимательный цепкий ум, разнообразные познания. От начальства В. И. Даль получил выговор за неисполнение своих прямых обязанностей, однако спустя какое-то время справедливость восторжествовала: за этот подвиг В. И. Даля наградили Владимирским крестом с бантом.

Солдаты полюбили молодого душевного лекаря. Доброта Даля, расположенность к простым людям, умение вызвать их на разговор и потом с редкостным вниманием слушать — всё вызывало симпатию. Однако смущало солдат, что этот лекарь всё пишет в тетрабочку, с которой не расставался ни в бою, ни в лазарете, ни у солдатского костерка... Даль собирал слова. Прежнее увлечение вспыхнуло с новой силой. Он захватил в армию и николаевские тетради с песнями, пословицами, матросскими словечками, и дерптские записи. Здесь, в армии «бывало, на дневке где-нибудь соберёшь вокруг себя солдат из разных мест, да и начинаешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовётся, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уж целая вереница областных речений».

Слова копились быстро, заполняя десятки тетрадей. Записки Даля составляли уже увесистый тюк, который денщик его взвалил на верблюда и возил за обозом. Но однажды, в суматохе при отступлении, верблюд пропал. То, что кропотливо собиралось десять лет, исчезло и — что самое главное — восстановить невозможно. Вот тогда Даль понял, может быть, впервые, как дорого ему это собирательство. Хотя пока и не знал толком, зачем копил слова, что потом станет делать с ними.

Солдаты, видя неподдельное огорчение лекаря, вызвались искать злосчастного верблюда и через 11 дней отбили-таки его у турков: тюк с записями уцелел.

После войн Даль — ординатор Санкт-Петербургского военно-сухопутного госпиталя. Вскоре он стал широко известен как врач-окулист, прославившийся ещё и тем, что одинаково хорошо делал глазные операции как правой, так и левой рукой. Работы очень много, только дома уходил он от невыносимых противоречий. В спокойной квартире он разбирал записи трёх военных лет. Их накопилось так много,

столько золотых слов, что держать под спудом просто грех. Надо открыть глаза русским на бесценное сокровище, которым владеют, не ведая того. Но как?

Мысль о словаре ещё не созрела. Даль решил написать сказки, используя максимум пословиц, поговорок, живых народных слов. В 1832 году на прилавках магазинов появилась книжка с витиеватым названием: «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимировичем Луганским. Пятак первый». Псевдоним был избран по родному городу Луганску, а казак — единственный вольный простолюдин в России. «Не сказки были для меня важны, а русское слово», — писал Даль. Он не считал свой «Пятак первый» художественной прозой, а хотел лишь поделиться тем богатством, что открыл для себя.

Но правительству Николая I этот сборник «Русских сказок» показался вольнодумным. Было решено, что ни к чему воспевать простой народ. Книга была запрещена и изъята из продажи, а сам автор даже попал на допрос в Третье отделение. К счастью, благодаря заступничеству Жуковского Даль в тот же день был освобождён.

А вот в среде литераторов книга была замечена. Успех ободрил Даля, и он решился пойти, наконец, к человеку, мнением которого дорожил более всего на свете, но робел перед ним, боялся, что разговор, такой нужный ему, не состоится. Теперь появился повод: Даль шёл к Пушкину подарить «Русские сказки».

Александр Сергеевич, похвалив книгу Даля, заговорил о главном: «Сказка сказкой... а язык наш сам по себе, и ему нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке». Даль ликовал, ведь и он так считал, потому и взялся писать сказки, пересыпая их пословицами. «А что за роскошь, что за смысл,

какой толк в каждой поговорке нашей! — продолжал поэт. — Что за золото! А не даётся в руки, нет!» Именно тогда, узнав об увлечении Даля, Пушкин настоятельно посоветует продолжить работу и подаст идею создания словаря: «Ваше собрание — не простая затея, не увлечение. Это ещё совершенно новое у нас дело. Вам можно позавидовать — у вас есть цель. Годами копить сокровища, и вдруг открыть сундуки перед изумлёнными современниками и потомками!»

Даль ушёл окрылённый, он твёрдо знал, что стоит на верном пути, и видел конечную цель его. Ему исполнилось 31 год, а дело только начиналось, надо было успеть его закончить. Впереди сорок лет неустанного, кропотливого, ежедневного труда...

Вновь встретился Даль с Пушкиным в сентябре 1833 года в Оренбурге, где Владимир Иванович занимал должность чиновника по особым поручениям при губернаторе В. А. Перовском, давнем приятеле Александра Сергеевича. Три дня, которые поэт провёл в городе и в поездке по казачьим слободам, собирая материал о Пугачёве, Даль и Пушкин не разлучались. Переговорено было о многом. Поэт уехал в Болдино. Вскоре он прислал Далю рукопись «Сказки о рыбаке и рыбке» с надписью «Твоя от Твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Пушкинский подарок знаменателен: «сказочник — сказочнику».

В начале 1837 года Даль снова в Петербурге. Он часто видится с Пушкиным. Узнав 28 января 1837 года о роковой дуэли Пушкина, Владимир Иванович неотлучно дежурит у постели поэта как врач и близкий друг. Именно ему слабеющей рукой Пушкин вручил свой перстень-талисман. Этот заветный перстень Владимир Иванович носил на своём пальце. «Как гляну на него, — говорил Даль, — так пробежит во мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное». Именно Далю Наталья Николаевна Пушкина

передала простреленный чёрный сюртук с небольшой дырочкой справа. Тот самый сюртук, в котором поэт был у Даля в последний раз, — та самая «выползина» — Пушкину тогда понравилось это слово из тетрадок Даля. Потрясённый кончиной Пушкина, Даль сразу делает заметки, а потом переписывает их. Заметки Даля «Смерть Пушкина» — удивительное документальное свидетельство, запечатлевшее великую простоту свершившейся трагедии. Теперь Даль обязан создать словарь, который завещал ему Пушкин.

Даль начал колесить по России, несколько раз пересекал её с севера на юг и с запада на восток; объехал Прибалтику и Белоруссию, Молдавию и Украину, Приуралье и Поволжье, Башкирию и Казахстан; менял профессии, встречал на своём пути тысячи людей, а с ними — тысячи слов, и не отвлечённо названных, но слов произнесённых к месту, употреблённых в деле, слов-образов.

Слова тревожили Даля. Подобно музыканту, он слышал в речи людей и многоголосье оркестра, и звучанье отдельных инструментов. Он признавался на старости, что, «как себя помнит», *его тревожила* «устная речь простого русского человека»; поначалу не рассудок — какое-то чувство отвечало ей, к ней тянулось. Даль *всюду* выискивал слова, вслушивался в оттенки живой речи. И записывал, записывал...

Сидел бы Даль в тихом, пропыленном кабинете, листал толстые книги в кожаных переплётках, выписывал слова на розовые и жёлтые карточки — могло случиться — и словаря бы не было Далева — наверняка.

Что мог бы Даль, просидевший всю жизнь в тихом кабинете, рассказать, допустим, о конских мастях? Что чёрную лошадь называют *вороной*, а рыжую — *гнедой*? Но в «Толковом словаре» более полусотни наименований мастей: тут и *подвласая*, и *караковая*, и *игреняя*, и *соловая*, и *розовая*, и

голубая, и изабеловая, и фарфоровая, и чанкирая. Чтобы узнать про них, надо было служить в армии, смотреть, как объезжают коней в казацких станицах, тереться между цыганами, толкаться среди барышников в ярмарочной толпе.

И ни в одной даже самой увесистой книге не вычитал бы кабинетный Даль таких необычных имён очень простой вещи — лодочного весла: *потесь, бабайка, слопец, лопастина, навесь, гребок, стерно*. Чтобы услышать их, надо было служить на флоте, проводить часы с корабельными мастерами, плавать с рыбаками по уральским рекам.

Кажется, слова собраны, и расселены «по гнёздам», и объяснены, и примеры приведены — чего ж ещё? Но Даля переполняют, через край выплёскиваются его знания, бывалость, опыт. Науки и ремёсла, производства и промыслы, орудия труда и предметы обихода, народные обычаи, занятия, поверья, нравы — словарь насыщен сведениями до предела. Иногда перенасыщен: тогда, как в растворе, они выпадают кристаллами — толкования слов разворачиваются в заметки, статейки, очерки о народной жизни. Это был каждодневный, тяжёлый труд подвижника. «... Он работал, работал неумолимо, иногда до обмороков. Он часто говорил: «Ах, дожить бы до конца «Словаря»! Спустить бы корабль на воду!» — писал о Дале П. И. Мельников-Печерский.

Но Владимир Иванович Даль успел завершить главное дело всей своей жизни — свой бессмертный «Словарь». «Толковый словарь живого великорусского языка» был издан в 4 томах в 1863–1867 годах. В него вошло более 200 тысяч слов, из них 80 тысяч были собраны самим Далем и не входили раньше ни в один словарь.

О себе и о своём словаре В. И. Даль говорил: «Писал его не учитель, не наставник, не тот, кто знает дело лучше других, а кто более многих над ним трудился; ученик, собиравший весь

век по крупице то, что слышал от учителя своего, — живого русского языка».

Даль снабдил «Словарь» «Напутным словом» («Напутное» — всё, чем человек напутствуется, снабжается на путь, в дорогу», — объясняет Даль). Вместо греческого «пролог», вместо книжных «введение», «предисловие» он, как всегда, предпочитает народное речение, в котором описал характерные особенности русских народных говоров, высказал твёрдое убеждение в необходимости вводить в литературу народный язык.

Поэтому В. В. Виноградов и писал: «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком».

А вот «толковым не оттого назван словарь, — шутил его создатель, — что мог получиться и бестолковым, а оттого, что слова растолковывает». Всякая встреча с «Толковым словарём живого великорусского языка» одновременно и питает, и пробуждает интерес к родному слову. Ведь здесь даже привычные слова становятся неожиданными: меняют смысл, сверкают оттенками, тянут за собою бесчисленную родню. Словам вольготно в Словаре Даля. Словарь его не склад, где тихо пылятся они за семью замками в тесных и тёмных сотах; Словарь Далева будто заповедный лес — слова собираются в стаи и бродят в одиночку, дружат и выставляют друг другу навстречу рога, резвятся, прячутся, рычат, свистят, шипят, бухают, фыркают; или внезапно оторвавшись от чёрной стены чащи и выскочив на тропу, поражают пришельца.

Про самое слово *СЛОВО* в словаре полторы страницы (три полных столбца!). *Слово* не только «сочетание звуков, составляющее одно целое, которое, по себе, означает предмет или понятие, речение».

Слово ещё —

и разговор, беседа («О чём у вас слово?»);

и речь («Взял слово»);

и сказание («Слово о полку Игореве»);

и рассуждение («Слово о русском языке»);

и обещание («Даю тебе слово»);

и заговор, заклинание («Он против лихорадки слово знает»).

«Он за словом в карман не полезет» — значит находчивый.

«Говорит, будто слово слову костыль подаёт» — значит нескладно.

«Словечка не проронил» — значит слушал.

«Без слова отдал» — значит не споря.

«Он, слов нет, хороший человек» — значит вправду, на самом деле.

«Красное словцо» — значит шутка.

«К слову пришлось», «К слову молвить (или сказать)» — значит кстати.

И, *кстати*, приведены десятки словосочетаний, пословиц.

Словом, здесь всего не перечислишь — не проще ли в *словарь* заглянуть. Узнав ещё много-много о *слове*, мы убедимся, что не очень-то мы *словоохотливы*.

Оказывается, облагораживающее человека чувство причастности к великому делу не оставляет нас, когда мы читаем Словарь Даля...

Да, «... его можно читать, как книгу», — изумлённо говорили о «Толковом словаре» современники Даля, не привыкшие к такому чтению. Один из первых исследователей Далева труда писал: «Словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякий любитель отечественного слова может читать её или хоть перелистывать с удовольствием. Сколько он найдёт в ней знакомого, родного, любезного и сколько нового, любопытного, назидательного! Сколько вынесет из каждого чтения сведений драгоценных и для житейского обихода, и для литературного дела!»

Работая над «Словарём», Даль составил одновременно сборник «Пословицы русского народа». Объём его громаден — 30130 пословиц и поговорок. Из чужих сборников, объяснял Даль, взято всего около пятой части речений: большинство собрано «по наслуху, в устной беседе». Главнейшим источником своего сборника Даль называет «живой русский язык, а главное, речь народа». Даль видел в пословицах «свод народной, опытной премудрости, цвет здорового ума, житейской правды народа».

Но история напечатания «Пословиц русского народа» растянулась без малого на целое десятилетие. Суждения цензоров и рецензентов, духовных и светских, академических и чиновных, Даль обобщил в «Напутном» к своему труду: «Нашли, что сборник этот и небезопасен, посягая на развращение нравов». Когда сборник был всё же разрешён к печати, Даль поставил на титульном листе эпитафией: «Пословица несудима».

Даль знал множество русских песен, очень любил их петь. Ещё недавно он пел их вместе с женой — дуэтом. Владимир Иванович женился осенью 1833 на милой, маленькой и смешливой немочке («колибри») — Юлии Андре. Она родила ему сына и дочь. Но семейное счастье Даля было недолгим — Юлия Даль умерла через пять лет после свадьбы, оставив детей сиротами, а мужа — вдовцом.

Минуло время... Даль снова женился, к тому же при весьма необычайных обстоятельствах. Однажды Владимира Ивановича пригласили приехать в имение к отставному майору Л. В. Соколову — ампутировать руку. Даль вначале отказывался: риск велик, он уже давно не врач. Его всё-таки уговорили. Майор сказал: «Я под Бородином сражался и трусом никогда не был. Давайте держать пари, что даже стона от меня не услышите». И выиграл. Так началось их знакомство. А вскоре Даль женился на дочери Соколова — Екатерине Львовне, которая подарила ему трёх девочек.

Современников, встречавшихся с Далем, привлекала простота (лучшего слова не подберёшь), ясность его поведения, определённости суждений, желание помочь людям — без покровительства, ласковости — без слащавости, сдержанность в речах и совершенная точность в делах.

Владимир Иванович любил простой уклад жизни («днём работать, а ночью спать»), простую одежду («не на кафтане честь, а под кафтаном»), простую пищу («наедаться досыта одним блюдом»). В скупой автобиографической заметке, подводя итоги, Даль писал: «Во всю жизнь свою я искал случая поехать по Руси, знакомился с бытом народа, почитал народ за ядро и корень, а высшие сословия за цвет и плесень, по делу глядя, и почти с детства смесь нижегородского с французским мне была ненавистна».

Возможно, поэтому Даль сам занимался обучением детей (собственных и внуков). Его метод воспитания зиждился на личном примере. Пятеро детей Владимира Ивановича выросли в буквальном смысле у него на глазах, за его письменным столом. Он не ограничивал, ничем не стеснял детских игр. Малыши обычно возились в той же общей, самой большой комнате, где привык работать Даль. Он не признавал закрытого кабинета, и дети вовсе не мешали ему. Наоборот, он любил перекинуться с ними шуткой, сам придумывал для них игры, но на исконно русской основе.

Владимир Иванович не терпел, чтобы дети слонялись без дела. Отца они видели всегда занятым. Когда он уставал работать за столом, то переходил к токарному станку, или переплетал книги, или что-то мастерил. Дети с малых лет привыкли к состоянию систематического разумного и полезного занятия. Ни розг, ни наказаний, ни нудных выговоров и нотаций в доме Далея не знали. Каков же результат такого метода воспитания? Из первенцев — Лев Владимирович стал известным художником-архитектором (дочь, наречённая Светланой, умерла малолетней). Ольга и Маша стали прекрасными пианистками, занятиями которых руководил знаменитый пианист Н. Г. Рубинштейн. Младшая Катя стала опорой родителей: она вела все хозяйственные дела.

Когда появились внуки, Владимир Иванович вновь взялся за перо, отстаивая свои взгляды на воспитание. Его мнение: гувернёры, которые начинают разговаривать с трёхлетним малышом только на иностранном языке, читать ему, как он выражался, «чужие сказки», наносят неповторимый вред ребёнку. «Свое, родное, доброе и худое, обходит детей с самого младенчества, словно тень, словно что чужое... а человек, не приученный с пелёнок к своей почве, едва ли к ней приживётся. А как ему к ней приурочиться, коли он соком её не питался и едва её знает?» — сетовал В. И. Даль.

Для малышей Владимир Иванович составил и издал книжечку «Первая первинка полуграмотной внуке», русскую «по духу и по отношениям к быту и к жизни народной», как писал он в предисловии. В маленький сборничек вошли русские сказки, песенки, игры, пословицы, которые Даль не раз рассказывал своим внукам. Через год появилась «Первинка другая. Внуке — грамотейке с неграмотною братиею». К новым сказкам прибавились игры-хороводы, загадки, скороговорки.

«Первинки» — это попытка дать совсем маленьким детям подобие хрестоматии русского фольклора (хотя Даль многие сказки пересказывал по-своему). Владимир Иванович мечтал, чтобы с малых лет русские дети запасались знанием национальных игр, загадок, сказок, поговорок, чтобы они жили и играли в атмосфере прекрасного звучания русской речи. В «Первинки» вошло около тридцати сказок, пятнадцати песенок, много игр и пословиц, загадок и скороговорок. Язык песенок и сказов сочный, истинно народный. Звучат они складно, запоминаются легко.

В течение 40 лет Даль выступал в литературе писателем под собственным именем и под псевдонимом Казак Луганский. «Полное собрание сочинений» его (далеко не полное), изданное в 1897–1898 годах, состоит из десяти томов (почти 4000 страниц текста), в них напечатано 145 повестей и рассказов, 62 короткие истории из сборника «Солдатские досуги», 106 коротких историй из сборника «Матросские досуги», статьи на разные темы, очерки. «... каждая его строчка меня учит и вразумляет...», — отзывался о Дале - «повествователе» Гоголь. Среди тех, кто высоко ценил его творчество, были Белинский, Тургенев, Некрасов.

Кроме того, Даль записал тысячу сказок — он отдал их составителю знаменитого издания «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьеву; свои записи народных песен подарил собирателю П. В. Киреевскому, богатое собрание лубочных картин — Санкт-Петербургской публичной библиотеке.

Владимира Ивановича Даля не стало 22 сентября 1872 года. За полгода до смерти он совсем ослабел: в заросший садик и то не выходил; даже до кадок не было сил добраться, сидел не в кресле своём — в кровати. Но он горел по-прежнему, как мичман, нацарапавший то далёкое «замолаживает», он жил в своём «Толковом словаре», которому судьба — бессмертие. Друг Даля, посетивший его за несколько месяцев до смерти, свидетельствовал: «Сегодня был я у В. И. Даля, которого нашёл в несколько лучшем положении и который много говорил о своём словаре. Он показывал мне свой экземпляр словаря, где сделано чрезвычайно много исправлений и дополнений». Даль делал своё дело...

Говорят, Даль перед смертью — уже не в силах встать с постели — подозвал дочь и тихо попросил: «Запиши словечко...». Какое словечко он хотел записать, никто уже не узнает...

... Идут годы, десятилетия, столетия. Многое в жизни изменилось. Одни слова из нашей речи исчезли, другие в ней появились. Но так же, как и раньше, мы открываем замечательную книгу — «Толковый словарь живого великорусского языка» и с благодарностью вспоминаем его автора — Владимира Ивановича Даля. Человека, который собирал слова.

В Донбасском крае, на Луганщине, в 1986 году открыт Дом-музей В. И. Даля. Тихая зелёная улица, на которой находится дом-музей, носит имя В. И. Даля. Здесь, в небольшом одноэтажном особняке, родился и провёл ранние детские годы писатель. Это уголок, близкий сердцу каждого, кому дорога история русской культуры.

Рядом с музеем находится памятник В. И. Далю, созданный талантливыми скульпторами И. П. Овчаренко и В. Е. Орловым. Глубоко впечатляет бронзовая фигура сидящего в кресле величественного старца. Запоминается одухотворённое лицо, обрамлённое седыми прядями, тонкая рука с живыми длинными пальцами, лежащая на толстом фолианте. Весь он — воплощение доброты и мудрости, которая приходит к человеку с долгими и трудными годами жизни.

Литература

Берестов, Валентин Дмитриевич. Веселые науки [Текст] : избранные произведения / Валентин Дмитриевич Берестов ; [худож. Л. Токмаков]. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2006. – 591с. : [6] л. ил.

В этот том выдающегося поэта, прозаика и литературоведа В. Д. Берестова (1928-1998) входят его стихи для детей, сказки и пересказы библейских преданий, повесть и рассказы об археологах, замечательные статья о словаре В.И.Даля, работа о детстве А.С.Пушкина, воспоминания о К.И.Чуковском и другие произведения.

Берестов, Валентин Дмитриевич. Пробудить гениальность : О детской литературе, детском чтении и психологии детства; Статьи. Воспоминания. Беседы. Стихи / Валентин Дмитриевич Берестов. – Ярославль : Академия развития, 2007. – 387 с. : фот.

Булатов, Михаил Александрович. Собирал человек слова... : Повесть о В. И. Даль / Михаил Александрович Булатов, В. Порудоминский. – М : Детская литература, 1969. – 224 с : ил.

Владимир Даль в счастливом доме на Пресне [Текст] / отв. ред.: Г. А. Богатова, В. Воротников; сост. Р. Н. Клейменова; Ово любителей рос. словесности, Моск. гор. отд-ние всероссийского о-ва охраны памятников истории и культ., музей В. И. Даль. – М. : Academia, 2010. – 559 с., [4] л. ил. : портр.

Сборник посвящен истории Дома В. И. Даль, в котором он прожил последние 13 лет своей жизни. В эти годы он закончил и издал «Толковый словарь живого великорусского языка», собрание сочинений, сборник пословиц и поговорок. В книге В. И. Даль представлен во всей его многогранной деятельности. Большое внимание уделено подготовке, изданию и популяризации современных словарей. В сборник включены архивные материалы В. И. Даля, собранные филологическим факультетом Петрозаводского государственного университета

Даль, Владимир Иванович. Старик Годовик : Сказки. Загадки. Пословицы. Игры / Владимир Иванович Даль ; сост. И. Халтурин ; худож. В. Конашевич. – М. : Детская литература, 1987. – 80 с. : ил.
В этой маленькой книге напечатаны для детей сказки, загадки, пословицы, поговорки из тех, что собрал когда-то Владимир Иванович Даль.

Даль, Владимир Иванович. Полное собрание сочинений : В 8 т. Т.1 : Повести / Владимир Иванович Даль; Владимир Даль (Казак Луганский) ; тексты подгот. и сост. В. Я. Дерягин, З. С. Дерягина ; критико-биогр. очерк П. И. Мельникова (А. Печерского). – М. : Столица, 1995. – 311с. : портр.

В прошлом веке В. И. Даль был одним из самых читаемых русских писателей. «Поэтической этнографией» называли современники сказки, повести и рассказы Даля. Из биографии его известно, что раннее детство свое он провел в Николаеве, подолгу жил в Петербурге и в Москве, в Дерпте, Оренбурге, Нижнем Новгороде; прошел Средиземноморье и Балтику, Кавказ, Крым, Молдавию. В. Г. Белинский писал о том, что «он знает, чем промышляет мужик Владимирской, Ярославской, Тверской губерний, куда ходит он на промысел и сколько зарабатывает. Г-н Даль это - живая статистика живого русского населения». В художественных произведениях ученого и писателя-этнографа предстает перед читателем живое, поэтическое сравнительное народописание. Не было в русской литературе ничего подобного. Есть Кавказ у Пушкина и Лермонтова, Украина у Гоголя, но далекой глубины и точности не было и нет. Эти качества насквозь этнографической прозы Даля делают ее особенно актуальной теперь.

Полунина, Надежда Михайловна. Кто есть кто в коллекционировании старой России [Текст] : новый биографический словарь / Надежда Михайловна Полунина. – М. : Рипол классик, 2003. – 554 с., [16] л. ил. : ил.

Книга посвящена истории коллекционирования в России в период с середины 17 века по 1917 год и содержит краткие биографии российских коллекционеров.

Порудоминский, Владимир Ильич. Даль / Владимир Ильич Порудоминский. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 384 с., 25 л. ил.

Стародуб, Корнелия Вячеславовна. Литературное краеведение в школе / Корнелия Вячеславовна Стародуб. – М. : Дрофа, 2003. – 368 с., 16 л. ил. : ил.

Книга предназначена для школьников. В ней рассказывается, что такое литературное краеведение, о конкретных памятных местах, связанных с жизнью писателей.

Ткаченко, Александр. Владимир Даль [Текст] : [для детей старше шести лет] / Александр Ткаченко ; худож. О. Громова. – М. : Фома, 2014. – 20,[2]с. : ил.

В этой книжке рассказывается об удивительных приключениях Владимира Даля - моряка, врача, военного хирурга, близкого друга Пушкина. Не в тиши кабинета, а среди битв и сражений он по крупицам собирал услышанные слова, выражения, обороты русской речи, чтобы создать свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка».

Статьи, сценарии

Виноградов, Д. В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как энциклопедия русской жизни : (на материале лексики русского бурлачества) / Д. В. Виноградов // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С. 76-80. - Библиогр.: с. 80.

Гордиенко, Евгения.
Загляни в «Даля» : [О Владимире Ивановиче Даль (1801-1872)] / Евгения Гордиенко // Смена. – 2012. – № 3. – С. 24-29.

Дружинина, Т. В.
Хранитель великорусского языка : [22 ноября 2011 года исполняется 210 лет со дня рождения Владимира Ивановича Даля (1801-1872)] / Т. В. Дружинина // Читаем, учимся, играем. – 2011. – № 8. – С. 24-30.

Иванова, В. А.
«Собирал человек слова...» : лингвистический вечер, посвященный жизни и творчеству Владимира Ивановича Даль (1801-1872) / В. А. Иванова // Библиотека. – 2003. – № 2. – С. 70-74.

Кулакова, Е. Ю.
Собирал человек слова... : [22 ноября 2011 года исполняется 210 лет со дня рождения Владимира Ивановича Даль (1801-1872)] / Е. Ю. Кулакова // Читаем, учимся, играем. – 2011. – № 8. – С. 18-23.

Науменко, С. В.
«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в истории русской орфографии / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С. 69-75. – Библиогр. : с.75.

Нуштаева, А. А.
Познавательная игра по русскому языку «В. И. Даль и его «Толковый словарь живого великорусского языка» / А. А. Нуштаева // Русский язык в школе. – 2011. - № 11. – С. 36-38. – Библиогр. : с.38.

Электронные ресурсы

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Media World, Б. г. – 1 CD. – широкая публика. – 89-10. Словарь содержит некоторое количество недостоверного материала (окказиональных слов), временами грешит против грамматики, но точно передает как языковые реалии XIX века, так и выразительность донныне существующих говоров

Даль В.И.
Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. И. Даль. - М. : Media World, б. г. - 1 CD. - филологи; лингвисты. - 89-10.

Словарь содержит некоторое количество недостоверного материала (окказиональных слов), временами грешит против грамматики, но точно передает как языковые реалии XIX века, так и выразительность донныне существующих говоров.

Даль, В. И.
Толковый словарь живого великорусского языка [Компакт-диск] / В. И. Даль. – М. : Meda Wold, б. г. – 1CD-ROM. – 76-50.

Электронная версия самого знаменитого русского толкового словаря.

Даль, В. И.
Толковый словарь живого великорусского языка [Компакт-диск] / В. И. Даль. – М. : Бизнессофт, 2004. – 1CD. – 120-00.

Знаменитый труд крупнейшего этнографа и лексикографа, остающийся самым подробным и информационным изданием.

Даль, В. И.
Толковый словарь живого великорусского языка [Компакт-диск] / В. И. Даль. – М. : Бизнессофт, 2004 (Екатеринбург : Уральский электронный завод, 2007). – 1CD. – 140-00.

Диск представляет собой систематизированное собрание произведений крупнейшего этнографа и лексиколога В. И. Даль.

Интернет-ресурсы

Режим доступа: <http://bibliogid.ru/pisатели/o-pisatelyakh/518-dal-vladimir-ivanovich>. Библиогид.

Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> Википедия. Свободная энциклопедия

Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/DAL_VLADIMIR_IVANOVICH.html

Режим доступа: Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная он-лайн энциклопедия.

Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/ Даль В.И. Собрание сочинений

**© Составитель: заведующий библиотекой – филиалом № 6
Е. И. Тихамирова**

**Библиотека-филиал №6
Наш адрес:
Красных партизан, 3
Телефон: 8-395-43-6-55-90
e-mail: usoliecbsf6@mail.ru**

**Часы работы:
Понедельник-суббота: 10.00 – 18.00**

Выходной день – воскресенье.

**Санитарный день – последний рабочий день каждого
месяца**